

УДК 7.01+130.122

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ЭСТЕТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (О ПОЗНАНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ)

Л.А. Волошина

Статья посвящена проблеме познания творческой индивидуальности в русской эстетике. Поскольку до сих пор не определен метод познания целостности, реальную помощь в этом может оказать русская философия Серебряного века, в частности В.Соловьев, его последователи и символисты.

Ключевые слова: познание; символизм; индивидуальность; творчество; символ; русская эстетика.

«Индивидуальность» в понимании современного человека все чаще представляется как совокупность биологических, социальных, психических признаков. В исследованиях последнего она рассматривается рядом дисциплин, которые часто предлагают довольно односторонний подход. Однако часть наших современников представляют ее как сущность в человеке, для познания которой необходим особый метод. М. Мамардашвили писал о невозможности познания человека в рамках антропологии, так как человек есть природная сила, которая не является результатом нашего конструирования: «Эта сила действует таким образом, что она всегда мгновенна, непостоянна, непознаваема» [5, с. 356]. В последнее время считают, что для познания индивидуальности недостаточно не только обычных методов, но и даже суммы знаний о ней. В некоторых работах можно прочитать о синтетическом подходе к изучению этой проблемы. В.И. Волжский пишет, что целостное восприятие себя должно осуществляться в трех планах: натуральном, социальном и плане самосознания [3, с. 10].

Понимание своей индивидуальности необходимо для восстановления внутренней гармонической связи с миром, который часто ощущается современным человеком как нечто обособленное и даже враждебное. Анализ современных работ, посвященных индивидуальности

человека, позволяет сделать вывод о необходимости создания такого метода познания, который будет рассматривать феномен во всей его полноте. В этой связи особую ценность представляют труды русских мыслителей конца XIX — начала XX вв., когда интерес к индивидуальности достиг своего апогея. Гуманитарное наследие Серебряного века дает нам необходимый опыт исследования данной проблемы.

Огромное значение в связи с этим имеет философская система Вл.Соловьева, в которой познанию индивидуальности уделяется большое внимание. Соловьев в своем учении о Богочеловечестве четко различает индивидуальность как материальное бытие и как идеальное состояние. Если говорить об индивидуальности только как о реальном состоянии отдельной воли, то индивидуальность есть не что иное, как эгоистическое бытие. Сознание своей индивидуальности может привести человека как к крайнему эгоизму, так и к осознанию ничтожества человеческой индивидуальности. Двойственная природа человека порождает трудности в его познании. В.Соловьев считает, что для познания идей недостаточно обычных методов познания, здесь требуется интуиция. Философ пишет о заложенной в человеке потребности метафизического познания и отвергает все доводы о том, что эту потребность невозможно удовлетворить. Если о метафизическом можно

рассуждать как о некоей идее предмета, следовательно, можно рассуждать и об индивидуальности.

Феноменальное и метафизическое взаимосвязаны. Познавая всякое явление в мире, мы получаем знание о сущем. Каким образом может осуществляться эта интуиция? В. Соловьев пишет: «В нашем внутреннем сознании наше собственное бытие в себе дано нам непосредственно, через это мы и имеем ключ к метафизическому познанию [7.] Метафизическое познание — это первоначальное познание, за ним идут другие — психологическое, социальное, биологическое. Причину всех заблуждений гносеологии В.Соловьев видит в отсутствии связи между внутренним и внешним человеком. Мыслитель выдвигает в своем учении проблему познания человека именно как проблему познания целостности. Целостность же, по мнению философа, не осуществима в рамках реального бытия. Индивидуальность — реальность не законченная. Если мы ограничимся представлением о человеческом Я — самодостаточном, сформировавшемся, то это приведет к эгоизму. За всеми ценностями реального бытия всегда стоят высшие идеи.

Как может проявить себя индивидуальность? Истинным выражением ее на земле может быть только ее творение, произведение. Задача критики, по мнению В.Соловьева, состоит в том, чтобы показать, «что именно из полноты всемирного смысла, какие его элементы, какие стороны или проявления истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках» [8, с. 530] Такие понятия, как «красота», «любовь», «вечность», помогают раскрыть природу творческой индивидуальности. Вл. Соловьев пишет о том, как важно для поэта уметь передавать в стихах не только осязаемое, но и ощущаемое. Это невидимое облечено в формы неземной красоты. Здесь Соловьев пишет об опасности, которая угрожает индивидуальности на пути к трансцендентному. Устремляясь к

неизведанному, она может оказаться во власти темных сил.

В своих рассуждениях о творческой индивидуальности философ близко подходит к теме символа, в котором, как и в индивидуальности, соединяется зримое и трансцендентное, универсальное и индивидуальное, это та двойственность, которая присуща индивидуальности. Символ, по сути, и является единственной изобразимой формой, в которой эта индивидуальность угадывается.

Тема познания индивидуальности прослеживается в работах последователей В.Соловьева, в которых встречаются рассуждения об индивидуальности, ее познании. Е. Трубецкой приближает учение Соловьева к христианскому учению о человеке. Индивидуальность для него, прежде всего, Божия идея обо всем существующем. Познание Божественной идеи есть познание Божиего замысла о человеке. Идея каждого сотворенного существа не есть его природа, а иная отличная от него действительность. Свобода, которая дана человеку, рассматривается только в соотношении с этой идеей о человеке, о Божественном замысле. Если человек идет против идеи о себе, то он утрачивает образ и подобие Божие и разрывает связи с вечностью. Это можно понимать как утерю индивидуальности, так как идея индивидуальна. Вечные Божественные идеи — не только замыслы Божии, они же и творческие силы. Познание индивидуальности понимается Е. Трубецким как самопознание своей сущности [9].

С.Н. Булгаков, который тоже был последователем учения о всеединстве, уделял в своих работах значительное внимание индивидуальности. В вопросе о ее познании он близок и к Е. Трубецкому, и к В.Соловьеву. Индивидуальность для него — единственно подлинное бытие в себе, которое каждое разумное существо имеет и ищет. Размышляя, С. Н. Булгаков пишет: «Человек знает в себе свое высшее я, как гениальность, которой наделяется каждый, ибо всякому принадлежит свое особое место в Пле-

роме Всечеловечества, соответствует свой луч в Софии» [2, с. 212]. Каждая идея конкретна, она ощущает себя в красоте, именно к этой красоте и устремляется каждая телесность. Каждое земное существо устремляется к этой своей идее, Булгаков называет это «эросом творчества». Искусство есть результат этого эроса, «почувствованная» идея, ставшая красотой. Творчество человека на земле — его индивидуальный путь развития. Следовательно, через его творчество мы имеем возможность познать саму индивидуальность художника. Мыслитель считает, что это самовыражение в творчестве доступно не всякому. Лишь особо одаренные могут выразить свое знание средствами своего мастерства [2].

Для последователей учения В. Соловьева индивидуальность, хотя и познаваема в человеке, но не окончательно, так как принадлежит одновременно земной реальности и миру трансцендентному. Обращение к творчеству какой-либо индивидуальности может дать знание об этой индивидуальности, но это неполное знание, так как содержит в основном констатацию увиденного, услышанного, в общем прочувствованного. Знания об индивидуальности художника как целостности, даже при самом глубоком и разностороннем анализе его творчества, мы, однако, не получим. Сторонники учения В.Соловьева считали, что полностью индивидуальность может открыться, только скинув земную оболочку, уже в преображенном свете. Узреть индивидуальность помогают человеку такие возвышенные состояния, как любовь и красота.

Способность постижения индивидуальности дана нам в созерцании. Интуиция или созерцание дают знание для себя самого. Это знание драгоценное, но не вполне выразимое известными всем средствами выражения. Именно в моменты созерцания мир предстает перед человеком как целостность. Эта целостность не есть сочетание множества в одном, а наоборот, — это единое, от которого возможно многое. В. Соловьев писал, что в творчестве

надо видеть прежде высшую индивидуальность художника и только после этого изучать индивидуальную его манеру [8, с. 486].

В философии начала XX в. все чаще встречается попытка объяснить индивидуальность как творческую, обнаруживаемую в творческом акте. И. Ильин писал: «Сила, которая хочет творить в нас — не от нас: вот одна из последних тайн, о которых трудно говорить» [5, с. 90-92]. Задача индивидуальности — не утонуть в этом иррациональном, а расцвести в нем и с ним.

Мы видим, как вплотную подходит учение Соловьева о Софии к тому пониманию творческой индивидуальности, которое сложилось буквально следом, у русских символистов. Один из основоположников символизма В.Иванов был последователем учения великого теоретика Всеединства. Принимая основные его утверждения, он развивает учение в более рациональном ключе, применительно к творчеству художника. Особенно важным для познания индивидуальности является понимание символа, как единовременного воплощения живой божественной истины и реальной жизни. Человек может совершить только акт символический, но не теургический. Всякое познание для человека есть только стремление к чуду, естественное для человеческого духа, но не осуществимое [4.]

Символизм начала XX в. нашел эквивалент дуалистической природе человека — художественный символ. Ощущение двойственности происходящего вокруг, когда действительность похожа на какой-то затяжной сон; предчувствие надвигающихся перемен, неудовлетворенность настоящим — все это усиливало чувство внутренней раздвоенности. Как выразить невыразимое, как выразить свое Я художнику? Эта сконцентрированность на себе приводит к творчеству, обращенному на себя. В. Брюсов писал об искусстве, что оно начинается в тот момент, когда художник пытается уяснить самому себе свои темные тайные чувствования.

Творческая индивидуальность уже перестает пониматься исключительно как принадлежащая Богу. Творчество — есть самовыражение индивидуальности и может быть как восходящим, так и нисходящим. Некоторым символистам было присуще демоническое творчество. В нем как раз и видно это нисхождение индивидуальности, о котором предостерегал В. Соловьев. Строки стихов некоторых поэтов представляют собой явное тому подтверждение. Например, у К. Бальмонта в одном из поздних его стихотворений читаем:

«Что бесчестное, честное?
 Что горит, что темно?
 Я иду в неизвестное,
 И душе все равно».

Целью символизма было создание такой формы, такого образа, который стал бы олицетворением Я художника. Слово, понимаемое как магический символ, представляет, по мнению символистов, новую реальность. Творческий процесс напоминает рождение мифа. В. Брюсов пишет, что через произведение, через слово, через знак тот, кто воспринимает творчество, может узнать об индивидуальности художника. Сущность художественного произведения — душа ее творца. Так искусство начинает превращаться из откровения о Божественном в набор специальных приемов. Для многих символ становится основой произведения. Забота о том, как правильно подать этот символ, какое он должен получить художественное выражение, становится первостепенной.

Художник Серебряного века ставит перед собой поистине великую задачу — создание особого преобразующего творчества. Творческая индивидуальность в связи с этим понимается уже не просто как данность, а как творимая действительность, творчески-познавательный результат. Знаком этого результата является символ [1, с. 456]. Н. Бердяев называет такое творчество богодейством. У символистов теургия, однако, не связана с Богом. Акцент делается на человеческое Я. Инди-

видуальность же понимается как свободный участник божественного процесса..

Иначе понимается соотношение творческой индивидуальности и символа сторонниками религиозной философии. Их понимание символа идет от древнерусской иконописи. Как может выразить себя индивидуальность, связанная с религиозным каноном? Как вообще можно говорить о творческой индивидуальности, имея пред глазами произведение иконописного искусства? Символика иконы для современного зрителя часто непонятна. Великие художники древней иконописи были тонкими и глубокими наблюдателями неба в обоих значениях этого слова. Они телесными очами видели небо здешнее, очами умными созерцали потустороннее. Небо потустороннее под воздействием религиозного переживания окрашивалось в многоцветье потусторонних здешних тонов. Все цвета радуги для древнерусского иконописца содержатся в иконе в их символическом, потустороннем применении. Если мы не можем сейчас постичь символики древней иконы, то потому, что утратили этот смысл цвета [9, с. 380]. Знание этой древней символики, желание постичь тайну изображения путем созерцания дает нам в конечном итоге знание и о самой творческой индивидуальности. Те высокие чувства, которые охватывают нас при виде икон Рублева или Дионисия, сродни тем ощущениям, которые, наверное, испытывал и древний мастер-иконописец в момент написания иконы. Мы ощущаем ту гармонию, которой зачастую не находим у символистов.

Русский символизм конца XIX в. в главном своем стремлении близок искусству иконы. Он искал того, что невозможно выразить словами. Для символиста при этом главная задача — в художественной форме выразить свою индивидуальность. Символист здесь обращается к человеческим глубинам, но не в поисках Бога. Истина, первообраз для него может соотноситься с Абсолютом, космосом, демоническими стихиями. Он стремится к вечности, но это зачастую вечность без Бога. Это утверждение,

однако, принималось не всеми. Некоторые символисты понимали религиозность как связь с Народной Душой. А. Белый писал: «Мы можем казаться себе не религиозными, но это только в сознании, но в бессознательной, в жизненной стихии своей мы религиозны, если народны; народны, если религиозны» [1, с. 357]. Несмотря на подобные заверения в искренней приверженности Народной Душе, возникает недоумение по поводу того, откуда символисты могли знать так хорошо про русскую душу, практически отказываясь от религии, которую исповедовал русский народ. Символисты постигали природу Народной Души на том уровне, который был для них единственно приемлемым, на уровне культуры. Собственная индивидуальность не представлялась им иначе, как принадлежность этому миру культуры, а назначение свое они видели в беззаветном служении искусству. Приняв на свои плечи непосильную для человека задачу — теургическое творчество, они, по сути, принесли в жертву свое Я, в жертву богу Аполлону.

Подобное понимание индивидуальности приводило к обособленности в мире, в художнике просыпалось чувство избранности, поскольку познать истинное искусство символа в состоянии только образованный, подготовленный человек. Образ, символ для художника — это мостик в иные миры. Индивидуальное понимание особенностей предмета есть произведение искусства. Форма для мастера кисти или слова — предмет, наделенный каким-то особым смыслом, некая первозданная завершенность. В момент творчества индивидуальность художника узнает индивидуальность предмета. Символизм в искусстве был привлекателен для многих именно этой возможностью выразить средствами художественного языка глубину поэтического Я. Поэзия эта была заметна не только в слове, но и в живописном воплощении. Символ при этом неоднозначно понимался художниками и поэтами. Например, для художника символ рождался всегда из свойств самого материала. Изобретению новых форм

посвятили свой труд многие художники-авангардисты. Для них символ стал воплощенным тайным знанием, но это было знание только для самого художника, который обладает даром особого видения сквозь оболочку реального мира. Связь с универсальным всегда осознавалась художниками как главное качество индивидуальности. К началу XX в. универсальность уже понимается иначе в мире искусства. Наступил тот момент, когда внутренний мир художника стал затмевать мир внешний. Подобное мироощущение можно в полной мере наблюдать у художников беспредметного искусства. Их целью было создание такой изобразительной формы, назначением которой стала бы не передача внутренних ощущений и переживаний художника, а отражение индивидуальности в чистом виде.

Творческая индивидуальность в конце XIX — начале XX вв. глубоко осмысливалась выдающимися представителями русской эстетики, среди которых были философы, художники, поэты, литературные критики. Часто все эти профессиональные стороны совмещались в одном человеке, а индивидуальность осознавалась, прежде всего, как высшая сущность. Связанность данного феномена с Богом или с Абсолютом, с Народным Духом осознавалась каждым, кто ощущал эту индивидуальность в себе как вечный зов. Подобное понимание индивидуальности есть результат глубокого осмысления проблемы, многочисленных попыток познания данного феномена в масштабе мироздания. Сегодня мы все чаще сталкиваемся с поверхностным подходом к познанию индивидуальности, при котором исследователь ограничивается чисто эмпирическими методами. Современному взгляду на индивидуальность необходима та глубина, которая отличала мироощущение человека начала XX в.

Список литературы

1. *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
2. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. М.: Республика, 1994.

3. *Волжский В.* Основания синергетической теории человека. СПб.: Ступени, 1997.
 4. *Иванов В.* Родное и Вселенское. М.: Республика, 1994.
 5. *Ильин И.А.* О творческом человеке. Путь к очевидности. М., 1993
 6. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя: лекции. Статьи. Философские записки. М.: Лабиринт., 1996.
 7. *Соловьев В.С.* София Начала вселенского учения [Электронный ресурс]. URL://http://ihtika.org/download (дата обращения: 20. 12. 2011).
 8. *Соловьев В.С.* Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991.
 9. *Трубецкой Е.Н.* Избранные произведения. Ростов н/Д : Феникс, 1998.
-

THE CREATIVE INDIVIDUALITY IN THE RUSSIAN AESTHETICS OF THE SILVER AGE (COGNITION OF THE CREATIVE INDIVIDUALITY)

Ludmila A. Voloshina

VSHNI High school of folk arts, Embankment of channel of Griboedova 5A, Saint Petersburg, Russia, 191186

The article is devoted to the issue of the creative individuality in the Russian aesthetics. Cognizing individuality is a complicated problem since there has not been any method of integrity cognizing. One can find real help for this in Russian philosophy of so called Silver Age. V. Soloviov, his protagonists and symbolists paid great attention to the matter of individuality.

Keywords: cognition, Symbolism, individuality, creativity, symbol, Russian aesthetics.